

Сикорский Иван Алексеевич

**Психологические основы
воспитания и обучения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
И17

И17 **Иван Алексеевич С.**
Психологические основы воспитания и обучения / Сикорский Иван Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 112 с.

ISBN 978-5-519-73474-5

Издано дополнено разделами: "Психологические основы обучения" и "Идеи и орудия дошкольного воспитания"

ISBN 978-5-519-73474-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чебно - Педагогическихъ Създовъ. Во Врачебно - Педагогическихъ Институтахъ, какъ въ единомъ учрежденіи, находятъ себѣ и семью, и школу тѣ дѣти, духовное и нервное развитіе которыхъ уклонилось въ сторону въ столь рѣзкихъ пропорціяхъ, что имъ нѣтъ мѣста въ обыкновенныхъ школахъ. Учрежденія этого рода не только осуществляютъ идею *человѣколюбія* въ отношеніи дѣтей, но и являются истинной *педагогической клиникой*, крайне полезной для специальной педагогической подготовки и для личнаго нравственнаго усовершенствованія воспитателей.

Во Врачебно-Педагогическихъ Институтахъ сблизилась между собою три основные фактора истиннаго воспитанія: *школа, психологическая медицина и семья.* Мы увидимъ далѣе, что этимъ тремъ факторамъ предстоитъ задача создать и разработать прототипъ *идеи новѣйшаго воспитанія* не только для средней, но и для высшей школы. Стремленіе установить и научно обосновать идею новѣйшаго воспитанія нашло себѣ выраженіе въ происходящей въ настоящую минуту широкой инициативѣ выдающихся нѣмецкихъ педагоговъ, психологовъ, психіатровъ и педиатровъ, которыми былъ созванъ Съездъ въ 1906 году для всесторонняго изученія природы дитяти съ физической и психической стороны и со стороны здоровья и болѣзни; Съездъ имѣлъ цѣль выработать систему новаго воспитанія *). Другой Съездъ подобнаго же рода состоялся въ Люттихѣ одновременно съ Вторымъ Съездомъ русскихъ психіатровъ. Важность намѣченныхъ начинаній не требуетъ доказательствъ. Въ этихъ начинаніяхъ содержится ядро, уже въ настоящее время видимо обозначившееся,—ядро *изученія дошкольнаго періода* дѣтской жизни. Періодъ этотъ былъ поистинѣ покрытъ мракомъ невѣдѣнія. Старшіе не знали, что нужно дать этимъ дѣтямъ въ педагогическомъ отношеніи. Оттого дѣти дошкольнаго возраста были, съ одной стороны, радостью и утѣшеніемъ семьи, и съ другой стороны—досаднымъ безпокойнымъ элементомъ, который причиняетъ нескончаемое нарушеніе ровнаго и гладкаго теченія нашей жизни. Причина зла лежитъ въ непониманіи этого возраста челоѣческой жизни. Можно сказать не обинуясь, что

*) Съездъ состоялся въ Берлинѣ зимой 1907 года.

и семья и педагоги, психологи и врачи въ равной мѣрѣ мало свѣдуши въ отношеніи дошкольныхъ дѣтей; вслѣдствіе этого установилось полное случайностей, лишенное плана, истинно бездѣятельное и суевѣрно-консервативное отношеніе къ дошкольнымъ дѣтямъ. Они поистинѣ заброшены за счетъ старшихъ и младшихъ дѣтей!

Въ настоящее время этому положенъ предѣлъ: изученіе періода перваго дѣтства, т. е. возраста до семи лѣтъ, стало предметомъ самаго широкаго и самаго компетентнаго изслѣдованія по программамъ, всесторонне обдуманнмъ и разработаннымъ *). Въ этой новой научно-практической области содержится *соединительное звено между семьей и школой*. То глубокое раздѣленіе и взаимное непониманіе, какое существуетъ и до настоящаго дня между семьей и школой, объяснено своимъ существованіемъ, съ одной стороны, отсутствію, у профессиональныхъ педагоговъ, наблюдательности и опыта матерей и нянь, а съ другой—чувству удивленія и страха, съ какимъ семья, не безъ основанія, смотритъ на сухой, можетъ быть и дѣловитый, но шаблонный и чуждый теплоты режимъ школы. Это—два различные принципа, взаимно исключаютъ другъ друга; они еще не сдѣлали шага къ взаимному сближенію—къ неисчислимому вреду для юныхъ душъ!

II. Средняя школа.

Основнымъ недостаткомъ средней школы является односторонняя постановка дѣла воспитанія, *чуждая психологическаго пониманія*. Современная средняя школа беретъ подъ свое попеченіе только *умъ*, но почти совершенно забываетъ о существованіи *чувства* и *воли* у юнаго человѣческаго существа.

Въ теченіе минувшихъ временъ средняя школа въ нашемъ отечествѣ, начавшись довольно правильной постановкой въ Уваровскихъ гимназіяхъ въ началѣ XIX вѣка, къ концу

*) Съѣздъ въ Берлинѣ раздѣленъ на пять секцій: 1) Тѣло ребенка; 2) Душа ребенка; 3) Воспитаніе нормальныхъ дѣтей (*Педагогика*); 4) Воспитаніе ненормальныхъ дѣтей (*Врачебная педагогика и призрѣніе*); 5) Терапія дѣтскаго возраста и школьная гигиена. Участники Съѣзда: педагоги, психологи, врачи, психіатры, педиатры.

вѣка все болѣе и болѣе отклонялась отъ истиннаго идеала и, въ такъ называемыхъ классическихъ гимназіяхъ графа Дмитрія Андреевича Толстого, достигла крайняго предѣла *односторонности*. Этотъ Министръ, глубоко *не понимавшій* задачъ воспитанія, полагалъ, что воспитаніе есть дѣло семьи, а не школы, что школа должна только *учить* и развивать умъ питомцевъ, сообщать имъ свѣдѣнія, готовить въ университетъ и проч. Сообразно такому взгляду, самая задача гимназій была извращена: вмѣсто учебно-воспитательныхъ заведеній, онѣ обращены въ среднія *учебныя* заведенія, воспитанникъ превратился въ *ученика*, а воспитаніе замѣнилось *надзоромъ* и *дисциплиной*; и самое *умственное развитіе* обращено въ *гимнастику ума*, которую приверженцы системы превозносили и признали панацеей. Болѣе односторонняго законодательства еще никогда не видѣло наше отечество! Воспитаніе почти исключено изъ самой программы гимназій. Единственнымъ воспитательнымъ орудіемъ гимназій указаны *пансіоны* при гимназіяхъ—„для облегченія родителей, не имѣющихъ возможности воспитывать дѣтей дома“. Воспитаніе исчезло, и даже директоръ гимназіи изъ главнаго руководителя педагогическимъ дѣломъ обращенъ въ *начальника* заведенія. Послѣдствія не замедлили сказаться: на арену жизни, съ аттестатомъ зрѣлости, выступило новоявленное существо съ дрессированнымъ схоластическимъ умомъ, но съ недостаточнымъ развитіемъ чувства и съ недостаточной волей. Жизнь, не безъ основанія, дала ему кличку *интеллигента*, создавъ для того новое слово и новое понятіе, котораго не знаютъ культурные народы Европы. Пусть это слово выпадаетъ изъ людской памяти, пусть оно станетъ пренебрежительнымъ, какъ и самое явленіе, которое имъ знаменуется! Пусть!... Потому что обществу нужны не *интеллигенты*, а просвѣщенные *люди*.

Психологическая характеристика интеллигентовъ, выходящихъ изъ классическихъ гимназій, сдѣлана восемь лѣтъ тому назадъ двѣнадцатью Московскими профессорами, съ покойнымъ психіатромъ Корсаковымъ во главѣ, и представлена, въ качествѣ документа, въ Высочайше утвержденную комиссію по вопросу о преобразованіи средней школы. Тò, что наблюдается у абитуриентовъ, говорятъ московскіе про-

фессора, наводитъ на самыя грустные размышленія: самостоятельность мысли у нихъ не только не развита, но при-
туплена, не видно привычки ни наблюдать явленія, ни ана-
лизировать ихъ комбинаціи, ни производить обобщеній, ни
оцѣнивать критически чужія мысли и слова. На питомцахъ
школы, построенной на изученіи языковъ, поражаетъ, гово-
рятъ тѣ же профессора, неумѣнье выражать мысли ясно и
правильно. Независимо отъ этой тонкой психологической ха-
рактеристики, сама жизнь сплошь и рядомъ отмѣтила, что
питомецъ такой школы бывалъ нерѣдко *хорошо обученъ*, и
въ то же время онъ оставался лишеннымъ „здраваго смысла“. Въ такой психологической каррикатурѣ, до которой доводитъ
средняя школа, юноша, иной разъ, бываетъ хуже неученаго
простеца, который, будучи лишенъ книжнаго знанія, обла-
даетъ здравымъ смысломъ, то-есть *всѣми силами своей души*
въ ихъ надлежащей цѣлости и гармоніи, а не развитіемъ
одного только *ума*, какъ юноша-классикъ.

Истинное духовное развитіе предполагаетъ собою гар-
моническій ростъ и усовершенствованіе основныхъ сторонъ
души, т. е. *ума чувства и воли*, со всѣми деталями и варь-
янтами. Одно развитіе ума, въ особенности, такъ назы-
ваемая, *гимнастика ума* дѣлаетъ человѣка софистомъ, да-
етъ ему мефистофельскую тонкость, жесткость, холодность,
шаблонность, способность формулировать умственные фик-
ціи и въ то же время... не видѣть *истины*, не чувствовать *правды*!
Холодный умъ лишенъ глубины и проницательности мысли.
Эти послѣднія качества даются только тѣмъ, что, на сво-
емъ художественномъ языкѣ, Бѣлинскій назвалъ „*осердечен-
нымъ умомъ*“, т. е. объединенной силой ума и чувства. По-
ниманіе истины, проникновеніе въ нее доступно только
осердеченному уму. Такимъ образомъ, умственное развитіе,
въ лучшемъ смыслѣ этого слова, не возможно безъ едино-
временнаго развитія чувства, или—какъ обыкновенно выра-
жаются—сердца. Только осердеченный умъ обезпечиваетъ
человѣку возможность пониманія того, что происходитъ *внѣ*
его, и того, что совершается *въ немъ самомъ*—въ его интел-
лектуальномъ и нравственномъ развитіи.

Въ планѣ душевнаго развитія наивысшая роль принад-
лежитъ развитію чувства въ юные годы. Развитіе чувства

дѣлаетъ юношу нравственно чуткимъ и отзывчивымъ какъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, такъ равно и къ актамъ собственнаго сознанія. Чувство даетъ намъ своего рода познаніе, и хотя это познаніе смутно и безотчетно, но оно достовѣрно, тонко и предупредительно. Въ послѣднемъ свойствѣ содержится условіе особеннаго, благотѣльнаго воздѣйствія чувства на другіе психическіе процессы, т. е. на умъ и волю: чувство даетъ этимъ актамъ поощреніе и поддержку или, наоборотъ, предостерегаетъ отъ нихъ и мѣшаетъ имъ. Благодаря этому, самые зародыши мыслей и зачатки намѣреній и рѣшеній могутъ быть или поддержаны и подкрѣплены чувствомъ, или ослаблены и подавлены: чувства то раздуваютъ вспыхивающую въ душѣ искру, то холодятъ и гасятъ ее. Оттого, чувство и его развитіе стало на высоту первостепеннаго жизненнаго требованія; и если мы развиваемъ умъ для интересовъ знанія, то чувство культивируемъ по глубокому запросу нашего духа. Великіе люди ищутъ силы чувствъ и одушевленія, боятся сѣраго, безцвѣтнаго существованія, жаждутъ вдохновенія и тяжело страдаютъ (Лермонтовъ), когда вдохновеніе падаетъ, и когда поэтъ, своимъ художественнымъ чутьемъ, опредѣляетъ пониженіе физиологической возбудимости въ своихъ высшихъ нервныхъ центрахъ. Такое состояніе изображено Лермонтовымъ въ посвященіи къ первому очерку поэмы *Демонъ*:

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется,
И жалость не погибла въ ней!
Но той веселости прекрасной,
Не требуй отъ меня напрасно;
И юныхъ, гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ....

Дѣйствіемъ чувства вызывается широкая идейная и нравственная жизнь и обезпечивается полнота и глубина духовнаго существованія человѣка—при общемъ подъемѣ темпа всей душевной жизни. Если работа чувства необходима въ теченіе всей нашей жизни, то въ юности чувству принадлежитъ величайшее значеніе!

Художественная литература всегда была зеркаломъ, въ которомъ отражается душа и жизнь общества, а писатели, одаренные Божіей искрой, всегда были истинными діагностами, которые распознають добро и зло, здоровье и болѣзнь общественной души. Для психіатра художественная литература составляетъ истинную настольную книгу его профессіи. И вотъ, если мы, психіатры, раскроемъ нашу настольную книгу, мы убѣдимся, сколько несравненныхъ указаній даетъ намъ писатель для распознаванія существующаго или начинающагося нравственнаго зла въ общественной и индивидуальной душѣ. Мы также найдемъ здѣсь и отвѣтъ на разбираемый сейчасъ вопросъ—о значеніи чувства въ циклѣ духовнаго развитія, найдемъ и указаніе на то, въ *какой мѣрѣ* чувство развито въ современныхъ поколѣніяхъ, и *какъ* отражается на общественной душѣ степень этого развитія. Обратимся къ двумъ писателямъ, которые въ этомъ вопросѣ тѣмъ дороже и цѣннѣе, что они вышли изъ врачебной среды. Я разумѣю *Чехова и Вересаева*.

Чеховъ изображаетъ монотонную, пустую, будничную жизнь, лишенную бодрящаго и возбуждающаго дѣйствія идеаловъ. Погруженные въ тину мелкихъ, ничтожныхъ интересовъ, герои Чехова лишь слабо чувствуютъ спертую атмосферу, въ которой пребываютъ. Высокое значеніе Чехова, какъ писателя, состоитъ именно въ томъ, что онъ ярко нарисовалъ жизнь, лишенную идеаловъ, показалъ пальцемъ людей, которые погружены въ тину жалкой дѣйствительности съ ея ничтожными интересами и которые безсильны выйти изъ этой жизни, ибо лишены высшихъ чувствъ. У нихъ *слабо развито чувство*, поэтому они слабо и жалко реагируютъ на самый фактъ своей нравственной пустоты. У этихъ субъектовъ есть только умъ, т. е. то, что даетъ своему воспитаннику наша средняя школа, и потому на нихъ хорошо видны ошибки современнаго воспитанія. И, въ самомъ дѣлѣ, на герояхъ Чехова мы видимъ, какъ *умъ безсильнъ вывести человека изъ нравственной летаргіи*, если этотъ умъ одинокъ, если онъ не согрѣтъ чувствомъ и не подкрѣпленъ волей. Впрочемъ мы, психіатры, хорошо знаемъ подобное состояніе: наши „*хроники*“, составляющіе три четверти населенія психіатрическихъ больницъ, представляютъ собою нѣчто въ родѣ

„Чеховскихъ героевъ“ дома умалишенныхъ. „Хроники“ сохранили умъ и отчасти волю, но утратили чувство, они стали равнодушными къ дѣйствительности и къ собственному бреду и остаются въ тупомъ безразличіи, *не отвергая своего бреда, но и не стоя за него горой*. Вотъ какія глубокія перемѣны вносятся въ душу слабостью чувства!

Два писателя-врача, Чеховъ и Вересаевъ, показывают на художественныхъ образцахъ, что дѣлается съ человѣкомъ при слабомъ развитіи чувствъ (Чеховъ) и что бываетъ, наоборотъ, когда чувство тонко развито и руководить человѣкомъ въ жизни (Вересаевъ).

Недостаточное развитіе чувствъ, легкомысленное безразличіе, черствость души, отсутствіе отзывчивости изображены Чеховымъ въ простомъ, но высоко-художественномъ рассказѣ „Тоска“, гдѣ представленъ бѣдный, убитый горемъ извозчикъ, потерявшій сына, скончавшагося въ больницѣ. Осиротѣлый отецъ пытается обратиться къ людямъ, подѣлиться съ ними своимъ тяжкимъ горемъ, найти себѣ въ этомъ утѣшеніе. Онъ силится вызвать къ себѣ участіе, онъ говоритъ: „*Баринъ, а баринъ, у меня сынъ померъ*“; и въ отвѣтъ получаетъ: „*померъ:—ну, что же, всѣ померемъ*“, или просто, не взирая на его горе, ему отвѣчаютъ: „*поѣзжай, поѣзжай, такъ мы и до завтра не дождемъ*“. Послѣ многихъ попытокъ найти у людей сердце, страдалецъ убѣждается, что дальнѣйшее обращеніе къ людямъ уже бесполезно... Онъ возвращается домой со своего промысла. Здѣсь опять мрачная свинцовая тоска съ новой силой охватываетъ его; и вотъ какими штрихами проницательный писатель изобразилъ духовное состояніе своего бѣднаго героя:

Думать объ овсѣ, о сѣнѣ, о погодѣ Іонѣ Потапову еще возможно, но думать о сынѣ, когда онъ остается одинъ, у него нѣтъ силъ... Поговорить съ кѣмъ-нибудь о сынѣ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко. И вотъ, Іона, забывшись, идетъ въ конюшню среди бессонной ночи и обращается съ рѣчью къ своей лошади.

— Жуешь?—спрашиваетъ Іона свою лошадь, видя ее блестящіе глаза.

— Ну жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ... Да... старъ ужъ сталъ я ѣздить... Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ... Жить бы только.

Іона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

— Такъ-то, братъ, кобылочка... Нѣту Кузьмы Іоныча... Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперь, скажемъ, у тебя жеребено-

чекъ, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь жалко?

Лопаденка жуеть, слушаетъ и дышетъ на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказываетъ ей все...

Животное слушало своего хозяина, согрѣвая его холодныя, тоскливыя руки своимъ теплымъ дыханіемъ. Этимъ простымъ, но глубокомысленнымъ рассказомъ художникъ хочетъ намъ сказать: люди забыли, что въ природѣ существуетъ боль, что въ мірѣ есть скорби и страданія; люди, разумныя существа, забыли, что страдалецъ не можетъ жить безъ согрѣвающего участія ближнихъ. И, вотъ, этого именно участія страдалецъ не нашелъ у людей, и только въ душѣ безсловеснаго животного, которое, видя предъ собой страдающаго человѣка, слыша надорванные звуки его голоса, *что-то* смутно поняло своимъ инстинктомъ и отвѣтило на его человѣческое горе. Несчастный отецъ нашелъ себѣ первое участливое чувство въ душѣ животного и сейчасъ рассказалъ ему про свои тяжкія страданія. Трудно представить себѣ болѣе строгій приговоръ *русскому интеллигенту и нашему воспитанію*, какъ приговоръ, который содержится въ только что разобранномъ рассказѣ Чехова „Тоска“.

Обратныя картины рисуетъ намъ Вересаевъ. Вересаевъ—писатель-идеалистъ. Его герои тонко распознаютъ всѣ проявленія добра, страдаютъ, когда добра въ душѣ нѣтъ, когда *огонь чувства гаснетъ*, когда *это высокое аналитическое орудіе души притупляется*. Они ищутъ чувства, какъ глазъ ищетъ свѣта, и тогда, уже самыми поисками, все существо ихъ озаряется, и вся душевная жизнь начинаетъ идти высокимъ темпомъ. Этотъ психологическій фактъ одушевленно иллюстрируется Вересаевымъ въ небольшомъ произведеніи „Звѣзда“, проникнутомъ высокимъ художественнымъ пламенемъ. Въ произведеніяхъ Вересаева болѣе, чѣмъ у кого-либо изъ современныхъ писателей, выразилось исканіе идеаловъ и жажда новой нравственной жизни. Тѣ, чего такъ недоставало поколѣнію 80-хъ годовъ—голоса совѣсти, чувства стыда, неустанной потребности нравственнаго обновленія—все это съ преизбыткомъ видимъ у героевъ Вересаева. Они мучатся упреками совѣсти, тонко прислушиваются къ ея зову, стремятся насадить въ своей душѣ идеальный порядокъ. Оче-

видно, уже въ началѣ *девяностыхъ* годовъ въ обществѣ начался великій поворотъ въ лучшую сторону, и Вересаевъ отмѣтилъ это явленіе. По справедливости, Вересаевъ сыгралъ, въ нравственномъ отношеніи, роль барабанщика (Боцяновскій), потому что выступилъ съ живой проповѣдью, не скрывъ собственныхъ сомнѣній и колебаній и рѣшительно перешелъ въ тонъ искренней исповѣди, готовый повѣдать всѣ тайны смятенной души, ищущей правды и нравственного оправданія. Въ этомъ художественномъ *настроеніи*, проникнутомъ глубокимъ чувствомъ—чувствомъ виновности, стыда, совѣсти, и въ самомъ изображеніи этихъ чувствъ—содержится главная сила художественныхъ произведеній Вересаева и тайна его воспитательнаго вліянія на юныя поколѣнія. Указанныя чувства вполне раскрываются, именно, въ юношескомъ возрастѣ, и потому естественно, что произведенія Вересаева, по своему содержанію, глубоко совпадаютъ съ требованіями зрѣющей души... А мы боимся дать подобныя произведенія въ руки нашихъ дѣтей, и школа еще не отвыкла питать юношескую душу Державинымъ и Кантемиромъ!

Если, однако же, съ точки зрѣнія исторической послѣдовательности, мы взглянемъ на интеллигенцію двухъ смежныхъ общественныхъ періодовъ—сороковыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, какъ она представлена у Тургенева и Чехова, то увидимъ, что предъ нами раскрывается фактъ совершившейся *перемѣны* въ обществѣ: *восьмидесятые* годы оказались ниже *сороковыхъ* въ нравственномъ отношеніи. Изображенія Тургенева и Чехова иллюстрируютъ эту перемѣну. Тургеневъ въ рассказѣ „*Маша*“ („Стихотворенія въ прозѣ“) изображаетъ семейное горе: чувства мужа, потерявшего жену. Жена была молодая, здоровая, любимая, но „*холера въ одинъ день порѣшила ее*“. Въ этомъ Тургеневскомъ рассказѣ, какъ и у Чехова, изображенъ извозчикъ; оба рассказа сходны какъ по концепціи, такъ и по многимъ внѣшнимъ подробностямъ: и у Тургенева, и у Чехова изображена утрата дорогого существа, показаны поиски за участіемъ и утѣшеніемъ въ постигшемъ горѣ; въ обоихъ рассказахъ подчеркивается фактъ, что горе было *видимо*, что оно крупными чертами было написано на лицѣ и въ фигурѣ изображенныхъ героевъ. Но рассказъ Че-

хова еще трагичнѣе, чѣмъ разсказъ Тургенева, и вотъ почему! У Тургенева интеллигентный сѣдокъ сразу замѣтилъ печальное, хмурое лицо извозчика, замѣтилъ печаль въ его голосѣ и первый пошелъ на встрѣчу:

— Что, братъ? Отчего не весель? А ли горе есть какое?

— Есть, баринъ, есть,—промолвилъ не сразу извозчикъ,—да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

Чеховскій страдалецъ, извозчикъ Іона Потаповъ былъ еще болѣе отмѣченъ печатью страданья, чѣмъ Тургеневскій извозчикъ: онъ согнулся отъ горя настолько, *„насколько только можно согнуться живому тѣлу“*, онъ какъ меланхоликъ сидѣлъ на козлахъ, не шевелился; но никто изъ многихъ смѣнившихся сѣдоковъ не замѣтилъ его горя: сѣдоки шутили, смѣялись, сквернословили, бранились, ругались, грубовато и пошло глумились надъ извозчикомъ. Бѣдный извозчикъ стучался въ ихъ человѣческія души, ища поддержки и участія, онъ обращался съ готовой жалобой: *„а у меня, баринъ, того... сынъ на этой недѣль померъ“*. — „Поѣзжай, поѣзжай, отвѣчаетъ страдальцу сѣдокъ, этакъ мы и до завтра не доѣдемъ“.... Всѣ дальнѣйшія, обращенія истомленнаго горемъ чловѣка остались безотвѣтными, и обращаться дальше къ людямъ оказалось бесполезнымъ. Въ этомъ простомъ, живомъ, талантливомъ разсказѣ Чеховъ показалъ намъ людей, *которые имѣютъ очи и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ, которые имѣютъ разумъ и память, но забыли, что на землѣ есть страданія и есть страдалцы*. Мы здѣсь встрѣчаемся съ тою черствостью души, съ тѣмъ безучастіемъ къ людямъ, которое свидѣтельствуетъ о слабомъ развитіи чувства. Это—люди ума, *интеллигенты*, остроумные субъекты, ѣдкіе критики и дерзкіе крикуны, это—веселые, забавляющіеся существа и въ то же самое время—это нравственные слѣпцы: похоронный маршъ, слезы и вздохи воспринимаются у нихъ умомъ, но не отражаются въ ихъ чувствѣ.

Приведенные примѣры, заимствованные изъ художественной литературы, показываютъ, что дѣлается съ чловѣкомъ, когда у него чувство недостаточно развито, когда оно понижается и угасаетъ отъ жизненныхъ условій или отъ болѣзни.—